

Глава I. От легенды к истории

Нестор Иванович Махно, украинский анархист, имя которого связано с попыткой социальной революции, личность хорошо известная всем тем, кто интересуется русской революцией. Опыт, в котором он принимал активное участие, длился на протяжении переломных лет 1917-1921 и затронул миллионы жителей юга Украины. Однако Махно и его товарищи вынуждены были защищать с оружием в руках свои социальные завоевания, поэтому они известны до сих пор, главным образом, как организаторы широкого повстанческого движения, тем более что их борьба была определяющей для судьбы русской революции и, тем самым, для всей истории нашего столетия.

Сыгравший решающую роль в этом движении Махно по сей день воспринимается по-разному: для одних – противников – он какое-то пугало, чистокровный бандит, плохо скрывающий под флагом Анархии простое желание грабить и систематически уничтожать Государство – каким бы оно ни было – и его представителей; для других – он выдающийся деятель анархистского движения, стремившийся воплотить в жизнь учения Бакунина и Кропоткина, главных основоположников теории анархистского коммунизма.

Проиллюстрируем различия в подходах некоторыми качественными эпитетами, прозвищами и ярлыками, использовавшимися по отношению к Махно: главнокомандующий белой армии Деникин видит в нем «отважного и очень популярного разбойника и талантливого партизана – облеченного в одежды «идейного анархиста»⁷¹, некоторые украинские националисты его считают «казацким атаманом», «украинским Наполеоном», «национальным героем»⁸²; для Анатоля Монзи, французского политического деятеля, он – «анархист во дворянстве»⁹³; тогда как большевистские противники считают его «президентом бандитов», «некоронованным королем партизан»¹⁰⁴. Виктор Серж описывает его как «пьяницу, неграмотного идеалиста, несравненного стратега-само-родка»¹¹⁵; для писателя-историка Даниеля Герена речь идет об «анархистском герильере» и «Робин Гуде»¹²⁶; анархистские почитатели представляют его как «второго Бакунина»¹³⁷. Наконец, анархистский пропагандист Себастьян Фор восхваляет его как «личность крепкую, лояльную, скромную, бесстрашную, неподкупную»¹⁴⁸. Добавим для полноты к этим оценкам, взятым из таких разных источников, что боевые побратимы Махно для того, чтобы воздать должное его отваге и твердости духа прибавили к его имени казацкий титул «батько»¹⁵⁹ и называли его также «первым среди равных». Не потому, что он был более равным, чем остальные, как некоторые могли бы сказать с иронией, а в том смысле, что он был «первым в связке», потому что он всегда был в первом ряду атак своей знаменитой кавалерии и всегда был первым в пропаганде идей анархического коммунизма. Легенда о его военной непобедимости родилась из того, что он, неуязвимый для смерти, принимал участие в более чем двухстах штурмах и боях и выжил, несмотря на многократные тяжелые

ранения.

В дополнение к этим многочисленным точкам зрения укажем, что советские историки, в отличие от руководителей той эпохи, часто говорят о «королевстве» или «рес-публике Махновии», когда они обозначают район, который находился под непосредственным влиянием махновского движения. Эта территория включала Екатеринославскую губернию, север Таврической, восток Херсонской и юг Полтавской и Харьковской, что представляет собой прямоугольник 300 км в длину и 250 км в ширину с населением около семи с половиной миллионов жителей.

Это массовое движение получило, по имени своего основателя, название «Махновщина», в котором увеличительный суффикс может иметь полууничижительное значение в русском языке. Отметим также проявление культа личности наизнанку: родной городок Махно и в некотором роде столицу движения Гуляй-Поле его враги большевики часто называли «Махноград»¹⁶¹⁰.

В биографической статье, посвященной Махно в третьем издании Большой Советской Энциклопедии и выражающей саму суть официального понимания истории, можем прочесть следующее:

Махно Нестор Иванович 17(29).10.1889, Гуляй-Поле, ныне Запорожской обл., – 27.7.1934, Париж], один из главарей мелкобурж. контрреволюции на Украине в 1918–21 во время Гражданской войны (см. Махновщина). Род. в крест. семье, окончил церковно-приходскую школу. Во время Революции 1905–07 вступил в анархистскую группу, участвовал в террористич. актах и «экспро-приациях». В 1909 за убийство полицейского пристава был приговорён к смертной казни, замененной, как несовершеннолетнему, 10 годами каторги. Отбывая заключение в Бутырской тюрьме в Москве, М. оформился как анархист. Освобождённый Февр. революцией 1917, он уехал в Гуляй-Поле и в апр. 1918 создал вооруж. анархистский отряд. Этот отряд начал партиз. борьбу с австро-герм. оккупантами и гетманскими властями и приобрёл большую популярность среди крестьян. Отличался личной храбростью и жестокостью. В 1919–20 воевал против белогвардейцев и петлюровцев¹⁷¹¹, а также против Красной Армии. Трижды вступал в соглашение с Сов. властью и трижды нарушал его и поднимал мятеж. В 1921 отряды М. окончательно превратились в банды грабителей и насильников. 26 авг. 1921 бежал в Румынию, в 1922 переехал в Польшу, а в 1923 – во Францию, где работал сапожником и типографским рабочим.¹²

В отличие от микстуры обычно подаваемой современной советской историографией – у нас будет еще возможность в этом убедиться – которая состоит из смеси лжи и правды в пропорции лошадиная доза первой и птичья – второй, эта короткая статья, за исключением некоторых неточностей, которые мы исправим ниже, и обычных анафем – мелкобуржуазные, грабители, преступники – представляется достаточно точной. В том же издании статья посвященная Махновщине, завершает официальный анализ: в ней сказано, что социальной базой движения являлось зажиточное крестьянство, «кулаки»¹⁸¹³, что это было не только местное движение, поскольку оно простиралось от Днепра до Дона, что оно состояло из добровольцев, что оружие добывалось исключительно у противника, и что, наконец, его

идеология определялась лозунгами «анархистского государства» (sic!) и «свободных советов», что на практике значило, по мнению редакторов, бороться против пролетарского государства.

Интересно сравнить эту оценку с оценкой, содержащейся в пространном некрологе, опубликованном на страницах в целом хорошо информированной газеты Ле Там (Le Temps) – предшественницы Ле Монд (Le Monde), принадлежавшем перу московского корреспондента Пьера Берлана:

Ле Там сообщала уже о безвременной кончине знаменитого Н. Махно, умершего в Париже 27 июля 1934 года от туберкулеза и кремированного на кладбище Père-Lachaise. В советских газетах не нашлось места для некролога, посвященного вождю анархистов, ни даже строки внизу на шестой странице, чтобы сообщить о его смерти... Однако Нестор Махно был очень любопытной фигурой и никакой заговор молчания не сможет заставить забыть ту важную роль, которую сыграл народный «Батько» во время русской революции, в частности в борьбе против Деникина. В отличие от его эфемерных большевистских союзников, которые поспешили от него избавиться, как только победа над белыми была достигнута, историки будущего найдут ему должное место среди зодчих революции.

[...] Его политическая программа? Будучи анархистом, он хотел дать крестьянам землю, рабочим фабрики в полную собственность, и советовал им объединяться в свободные коммуны. То есть он видел своих врагов в белых генералах, которые хотели возвращения «помещиков». [...] Он несколько раз заключал союз с большевиками, которых он считал в то время наименьшим злом. [...] Проявления грабежа, террора и антисемитизма жестоко карались Махно и его заместителями. Он сумел удерживать власть на Юге Украины и попытался реализовать некоторые из своих «утопий»: упразднение тюрем, организация общинной жизни, «свободные коммуны», «советы рабочих», из которых не исключалась никакая социальная категория. Под его эфемерным правлением существовала полная свобода прессы, и он разрешал публикацию газет правых и левых эсеров, как и большевистских органов рядом с анархистскими изданиями. Роль Махно и отрядов его партизан становится решающей на протяжении 1919 года во время наступления Деникина.*

[...] Махно направил против Врангеля многочисленные отряды своих партизан, и именно его кавалерия пересекла болота и взяла штурмом Перекопский перешеек. [...] Вне всякого сомнения, поражение Деникина объясняется в большей степени крестьянскими восстаниями, размахивавшими черным знаменем Махно, чем успехами регулярной армии Троцкого. Отряды партизан „Батьки“ склонили чашу весов в пользу красных, и если Москва предпочитает забыть это сейчас, беспристрастная история примет во внимание этот факт.1914

Берлан объяснял разрыв между Махно и большевиками неприятием с их стороны анархистской пропаганды в пользу строя без центральной власти, в пользу федерации «свободных советов», короче, всего, что противоречило «марксистской концепции диктатуры пролетариата, осуществляемой от имени масс коммунистической партией».

Этот второй удар колокола уравнивает первый и позволяет восстановить истинное по историческим меркам значение деятельности Махно и его сторонников. Тем не менее, между этими двумя самыми официальными версиями располагается целая серия других, расплывчатых, неточных, которые идут от ложных впечатлений до открытой клеветы, большой и малой, и все это способствует серьезному «затемнению» вопроса.

Известно, что благоговейно повторенная ложь может стать иногда для некоторых умов полуправдой; именно это и произошло со многими одновременно грубыми и серьезными обвинениями: в антисемитизме, в бандитизме и в военном анархизме.

Впрочем, прием известен: стоит очернить руководителя или руководителей и тем самым снижается значение самого движения; а это дает возможность оправдать самые жестокие расправы и репрессии – так поступили с парижскими повстанцами в июне 1848 года и с коммунарами в 1871 году.

Как бы там ни было, мы подробно остановимся на всех этих обвинениях и при помощи очевидных и упрямых фактов мы установим, как было на самом деле.

Однако следует немедленно исправить некоторые обычно совершаемые ошибки, среди которых автоматическое отождествление личности Махно и движения, получившего его имя. Хотя, они, бесспорно, пересекаются, но не совпадают, и нельзя приписывать одному Махно ответственность за некоторые жизненно важные или губительные решения, например двукратное заключение соглашения с красной армией и властями Кремля. Эти решения всякий раз принимались коллективно, после долгих и ожесточенных дискуссий, заканчивавшихся голосованием. Напротив, за некоторые решения Махно ответственен лично. Впрочем, политическая окраска движения не ограничивается черным цветом Анархии, а охватывает всю гамму крайне левых того времени: левые эсеры, максималисты, большевики, порвавшие с партией, и даже «беспартийные» – все они объединялись на основе идеи свободных советов. Уточним еще, по этому поводу, что махновское движение было только самым значительным – по силе и продолжительности – и самым видным – по социальным достижениям и своей внутренней структуре – среди десятков партизанских движений, которые расцвели тогда в Украине, в Центральной России и в Сибири, большинство из которых также были сторонниками свободных советов и которые были с большим трудом уничтожены ленинским режимом на протяжении 1920-1924 годов. Наконец, если Махно был символом своего движения, гуляйпольская группа коммунистов-анархистов была его душой. Наше исследование охватывает всю совокупность движений: хотя судьба и личная деятельность Махно использованы в книге в качестве путеводной нити.

Для иллюстрации нашего изложения будут использованы письменные свидетельства главных участников, большинство из которых написаны на русском языке, освещающая события, малоизвестные по сей день; в приложении будут представлены некоторые показательные документы.

О последней части жизни Нестора Махно – его пребывании в Париже мы собрали многочисленные свидетельства и интервью лиц, которые его знали, встречались с ним, и мы

выражаем им здесь нашу благодарность. Прежде всего ветерану среди них, которому девяносто лет, Грише Бартановскому († 1986), по прозвищу Барта, который впервые встретился с Махно

в 1907 году в Екатеринославе, когда они работали вместе на заводе и жили в ночлежках, а затем встретились вновь в изгнании в Париже. Назовем также болгарских анархистов, очень близких к Махно в то время: Киро Радев († 1979), Ереван († 1976) и Никола Чорбаджиев (Иосиф Синтов, † 1994, он жил три года в том же доме, что Махно и Аршинов в Венсенне), Ида Метт (девичья фамилия Гильман, † 1973), секретарь Махно с 1925 по 1927 год, рассказала нам о чертах его характера и об условиях его жизни в эти годы. Поблагодарим также выдающуюся деятельницу французского анархистского движения Мэй Пикрэ († 1983), которая приняла Махно, его жену и дочь, когда они прибыли в Париж. Наконец, Никола Фосье († 1990) и Ренэ Буже († 1989), активные анархисты того времени, предоставили нам сведения о взаимоотношениях Махно с французскими анархистами. Отметим также свидетельство Марсея Оливье (Гольденберг, 1896–1993), французского делегата на съезд по созданию Коминтерна, который нам сообщил об обстоятельствах победы красных над Врангелем в Крыму и об их коварстве в отношении махновцев. Добавим к этой совокупности источников, собираемых, начиная с 1964 года, источники из семейной среды автора этих строк, некоторые из его родственников были в разной степени связаны с описываемыми событиями 2015, обстоятельство, не чуждое причинам, которые его подтолкнули к осуществлению этого тщательного исследования, но которое само по себе не влечет снисходительности, восхваления или – как знать? – очернения, но возможно, признаем это, большее стремление понять рассматриваемую тему.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 18 апреля 2025 21:34:15

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 20 апреля 2025 13:54:18